

**МАРГАРЕТ
ВУДС**

ДЕРЕВЕНСКАЯ
ТРАГЕДИЯ

Маргарет Вудс
Деревенская трагедия

«Public Domain»

1889

Вудс М.

Деревенская трагедия / М. Вудс — «Public Domain», 1889

«– Не трогай, брось, говорю тебе, постылая харя, не то проучу! Смотри, захнычешь еще у меня не так! Чей-то злобный, кричащий голос произносил эти слова как раз в ту минуту, когда под тяжелыми шагами Джемса Понтинна скрипнула последняя ступенька лестницы. Такие крутые лестницы бывают в лондонских домах, сверху до низу переполненный мелкими, бедными квартирами. По всей вышине её царила непроглядная тьма, за исключением одной площадки, освещенной слабым серым просветом сквозь случайно открытую дверь...»

© Вудс М., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

I	5
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарет Вудс

Деревенская трагедия

I

– Не трогай, брось, говорю тебе, постылая харя, не то проучу! Смотри, захнычешь еще у меня не так!

Чей-то злобный, кричащий голос произносил эти слова как раз в ту минуту, когда под тяжелыми шагами Джемса Понтина скрипнула последняя ступенька лестницы. Такие крутые лестницы бывают в лондонских домах, сверху до низу переполненный мелкими, бедными квартирами. По всей высоте её царил непроглядная тьма, за исключением одной площадки, освещенной слабым серым просветом сквозь случайно открытую дверь. Через эту дверь, в глубине комнаты, можно было различить с полдюжины грязных ребятишек, которые как черви ползали во всех углах и только передвижением с места на место выделялись на грязном полу; тут же женщина, с перебитым носом, сидела у стола и медленно раскачивалась над пустой рюмкой. Джемс, росший в грубой деревенской среде, не отличался чувствительностью, но, взглянув мимоходом на эту семью, он почувствовал какое-то странное физическое и нравственное отвращение и пошел дальше, вверх, по скрипучим ступенькам лестницы, напоминающей темный колодезь. Возможно ли было, чтобы родной брат его, такой же, как и он, почтенный и уважаемый Понтин кончил жизнь в такой труппе? Вот что значит делать и по-своему и жить не так, как, бывало, жили отцы и деды. Ошибочно было бы предполагать, как это часто делается, что только одному дворянству свойственно гордиться родовыми и наследственными преимуществами: в душе представителя всех почтенных и уважаемых Понтинов было то же смутное чувство оскорбленного семейного достоинства, когда он постучался в дверь квартиры своего умершего брата. Джемсу как будто послышался на мгновение прежний резкий, крикливый голос и грубая ругань и показалось, когда он заглянул в комнату через щель, сквозившую между полуоткрытой дверью и колодой, что женщина в трауре сердито размахивала рашпером и кому-то угрожала; но деревенскую умственную восприимчивость нельзя считать пластинкой, готовой всегда воспринять моментальное фотографическое изображение, и когда Джемс очутился посреди комнаты, прежде чем полученное впечатление успело наложить свой отпечаток, оно уже стерлось в его голове. Комната была темная; в одном углу стояла широкая грязная кровать, а посередине – стол, с ободранной и пропитанной жиром скатертью и невытою посудой. Тут же стоял сломанный комод и три стула; другой мебели не было, если не считать козлы, на которых, вероятно, стоял перед тем гроб. Женщина в трауре все еще была у стола, но рашпер лежал уже на полу, и она стояла выпрямившись во весь рост, с полным сознанием важности своего траурного платья, обшитого таким широким крепом, что любая великосветская барыня без унижения могла бы признать его годным для ношения, хотя, в то же время, цвет крепа напоминал о происхождении его из ближайшей на углу лавчонки готового платья. Женщина была высокого роста и красива, но сломанные зубы с первого же взгляда придавали какую-то уродливость её улыбке; к тому же, по всему было видно, что она и не привыкла, и не особенно старалась казаться не тем, чем она была на самом деле. Хотя слезливо-жалобный тон, с которым она предложила стул своему деверю, и отличался резко от пронзительного крика, долетавшего до него на лестнице, но голос не был приятнее прежнего. Впрочем, в данном случае это было безразлично, так как если бы даже она была первейшей актрисой в мире, её искусство не произвело бы никакого впечатления на брата Джемса. В течение уже многих лет он знал и привык в мысли, что Селина, жена брата Джорджа, была из «беспутных», а то, что он знал, знал он крепко; он был не из тех людей, которые легкомысленно меняют свое,

раз установившееся мнение о людях потому только, что этим людям заблагорассудится вдруг ни с того, ни с сего изменить свое поведение. В тех случаях, однако, когда смерть похищает одного из членов семьи, остающиеся в живых обязаны оказывать друг другу особенную взаимную вежливость, а мистер Понтин всю свою жизнь умел сохранять, даже при самых безразличных обстоятельствах, род своеобразного достоинства, отличающего его от других людей, – такого достоинства, которого, однако, нельзя было приписать ни особенному развитию ума, ни природному благородству. И так, придвинув стул и садясь на него, он приступил к обычному обмену приветствий.

– Надеюсь, мистрис Джордж, что вы чувствуете себя, все таки, не дурно.

– Настолько, насколько это возможно при данных обстоятельствах. Благодарю вас, мистер Понтин. А как ваше здоровье?

Затем Джемс выразил сожаление, что он опоздал на похороны, и эти слова звучали не как учтивые только фразы, были как будто выражением искренних чувств, чуть ли и упреком.

– Если бы я узнал днем раньше, то непременно приехал бы во-время, чего бы мне это ни стоило. В прошлый вторник минул год с того дня, как умер наш двоюродный брат Гэль и мне помнится, что я встал в три часа утра, чтобы присутствовать при его похоронах в Ватлингтоне. Я бы никогда не мог себе представить, чтобы моего родного брата похоронили без меня!

– Это было сделано по приказанию санитарной полиции сказала мистрис Джордж, надувая губы с недовольным видом, но как будто извиняясь. – Санитарный чиновник требовал, чтобы труп не оставался с нами в одной комнате. – Наступила минутная пауза, и Селина погрузилась в размышления, затем не без некоторого презрения в тоне продолжала: – Надо признаться, что труп Джорджа был довольно жалкий, но я, все таки, не щадя денег, похоронила его на премию за страхование его жизни. Ни одна душа не скажет, чтобы я не сделала всего, что следует, да еще и самым приличным образом, хотя он далеко не был таким мужем, каким мог бы быть, мистер Понтин. Поверьте, не был... помяни его Господи!.. да, не было не был... и вы, сударыня, знаете очень хорошо, что я говорю только одну святую истину, так что не советую вам перечить мне с вашей обычною наглостью!

Последние слова с особенною силой были обращены в сторону дырявого полога над кроватью, из-за которого на мгновение высунулось маленькое бледное личико с выражением безусловного протеста против неблагоприятных отзывов Селины о покойнике.

– Так это Анна? – спросил Джемс не без некоторого участия.

Анна принадлежала к числу тех детей, которые инстинктивно не любят делать из проливаемых ими слез предмета наблюдения для каких бы то ни было зрителей, хотя бы сочувственно относящихся к ним. Успев за пологом кровати обтереть слезы и оправиться после этого вопроса, она выступила вперед и, стоя совершенно прямо, тихо и вежливо отвечала:

– Да, дядя.

В действительности ей было пятнадцать лет, но на вид она была так мала и худа, что казалась совершенным ребенком в своем простеньком, мешковатом черном платье – она сохранила свои детские большие влажные глаза, синий цвет которых отражался даже на белках и которые попадают так часто, но так мимолетно среди детей южной части средней полосы Англии. И волосы её также были светлы и мягки, как волосы ребенка. Джемс Понтин несколько секунд молча смотрел на нее, а затем сказал:

– Отец её говорил мне, что она пошла в нашу семью. У тебя есть что-то общее с твоею теткой Сюзанной, и действительно, моя милая... знаешь, с той, которая умерла в чахотке, вот уж тому минуло в Михайлов день как раз двенадцать лет...

– Я бы ничуть не удивилась, если бы в недалеком будущем и Анна умерла в чахотке, – заметила Селина, равнодушно осматривая дочь с головы до ног. – Она, в самом деле, вся в отца. Была у нас еще девочка, Юлия, вот та была похожа на меня, – большая такая, славная,

здоровая девочка. Если бы не скарлатина, я бы, кажется, сумела воспитать ее, – ну, а все другие дети, можно сказать, со дня рождения дышат на ладон.

Пока она говорила, деверь медленно вытаскивал из бокового кармана связку запачканных писем и несколько истертых плоских кожаных бумажников.

– Ведь, вы знаете, что бедный брат мой писал мне, чтобы я приехал и забрал к себе Анну? – спросил он.

Селина об этом, по-видимому, ничего не знала. По примеру многих людей, желающих распорядиться значительным и важным наследством, её муж высказался только тогда, когда очутился под защитой могилы, не желая при жизни начинать борьбу, которую должно было вызвать его посмертное распоряжение.

Селина, однако, не была особенно расположена вести борьбу. Она простояла несколько минут молча, опустив глаза, как бы взвешивая мысленно свое положение. Она мигом смекнула, что, при недостаточном знакомстве с юридической стороной дела, она могла без всякой выгоды для себя столкнуться с законным правом деверя над Анной; а в таком случае лучше добровольно уступить. Как бы то ни было, вряд ли выгодно было для неё оставлять при себе дочь, принимая во внимание несоответствие между склонностями матери и дочери. В Анне была какая-то врожденная порядочность, которая делала её общество для Селины часто тягостным и не предвещала много пользы для матери при том образе жизни, который она уже наперед себе начертила. Но высказать откровенно свою готовность отделаться от дочери было бы глупо, тем более, что таким путем она теряла лишний шанс получить хоть немного денег в вознаграждение за свою материнскую жертву.

– Все это так, – захныкала она в ответ, приготовляя носовой платок для ожидаемых слез, – но сами посудите, как тяжело для бедной вдовы лишиться единственной дочери как раз в такие годы, когда она может быть полезна матери.

– Ведь, это для её же пользы, мистрис Джордж, вы это знаете.

– Как! от меня отбирают моего единственного ребенка, так что мне не с кем будет даже промолвить слова, а она, к тому же, такая мастерица у меня для всякого шитья! Ей часто удавалось уже зарабатывать по полтора шиллинга в день за штопанье носков и белья.

Её утверждение, очевидно, страдало неточностью, вследствие чего произошел мгновенный обмен сердитых взглядов между матерью и дочерью.

Между тем, Джемс Понтин осторожно развернул два скомканных письма и разложил их на столе перед своею невесткой; но глаза последней быстро перенеслись дальше, к другой жесткой бумажке, поменьше первых, которую деверь медленно расправлял на столике. При этом пальцы его не спешили расстаться с бумажкой: в такие тяжелые времена не легко человеку расстаться с пятью фунтами, но что же делать? Никто из Понтинов никогда еще не обижал семьи в денежном отношении, да, к тому же, уплатив эту сумму, он рассчитывал покончить все счета с Селиной.

– Ведь, это для её же пользы, – медленно повторил он. – Кроме того, вот вам, мистрис Джордж, возьмите эти пять фунтов. Они более чем достаточно покроют всякие убытки, которые вы можете при этом понести. Но помните, больше вы ничего и никогда не получите.

Он еще не успел договорить этих слов, как уж деньги вместе с носовым платком очутились в кармане Селины.

– Это, без сомнения, для её пользы, мистер Понтин, как вы сами говорите, – подхватила она с живостью. – Вы, вероятно, заедете за ней завтра рано утром?

– Неужели вы думаете, что я соглашусь провести ночь в Лондоне? – возразил он почти негодующим тоном. – Мне и без того не в моготу в вашем городе. Нет уж, сделайте одолжение, если вопрос об отъезде Анны решен, проститесь с ней сегодня, – не все ли вам равно, завтра или сегодня? Не много времени, вероятно, потребуется ей, чтобы собрать свои пожитки, и если мы с ней захватим сегодняшний поезд, то до сумерек еще будем дома.

– Слышишь, Анна? Ну-ка, поварачивайся! – сказала горящая мать, всовывая деньги в старый кошелек и стягивая его резиновой тесемкой.

Анна, которая до того времени стояла молча, прислонившись к кровати, тотчас выпрямилась с растерянным видом и, открыв коммод, начала перебирать в нем крохотную и жалкую кучу изношенных одежд. Мать её разостлала на полу лист оберточной бумаги, который должен был служить чемоданом на дорогу, и начала суетливо укладывать её вещи.

– Что это за дрянь ты берешь с собой? – немного погодя спросила она презрительно у дочери.

– Вещи эти принадлежали отцу, – отрезала Анна, и с этими словами углы её кроткого детского рта приняли то выражение непреодолимого упорства, которое было так хорошо известно Селине. При других обстоятельствах это не удержало бы мать от ссоры с девочкой, хотя она и знала, что при этом добиться чего-нибудь от дочери было совершенно невозможно, но в данное время деньги, находящиеся в её кармане, наполняли все её существо блаженством, похожим даже на благодущие, под влиянием которого она оставила дочь в покое.

Действительно, не много времени понадобилось Анне, чтобы собрать свои ничтожные пожитки. Очень скоро неуклюжий узел в оберточной бумаге, внешний вид которого так неприятно знаком обычному путешественнику третьего класса, очутился в руках дяди, и Анна вскоре уже стояла около него совсем готовая к отъезду, в черной шляпке, обшитой грубым крепом, и в худом плаще с капюшоном.

– Прощай, Анна, – сказала Селина, как бы птичьим клювом дотрогиваясь губами до её щеки. – Постарайся вести себя лучше у дяди, чем ты вела себя у меня.

– Маменька, я жалею, если дурно вела себя относительно вас, и надеюсь, что вы простите мне, – отвечала девочка безжизненным, формальным тоном, а затем последовала за дядей все с тем же неподвижным и потерянным взглядом. Но, дойдя до двери, она неожиданно и круто повернулась, как будто Анну кто-нибудь позвал, и остановилась, как вкопанная, напряженно уставясь на кровать. Джемс Понтин тоже остановился в изумлении, держась за ручку двери. Он собирался тронуть ее за плечо, как вдруг, не говоря ни слова, одним прыжком она очутилась на другой стороне комнаты, бросилась на кровать и зарыдала глухими судорожными рыданиями.

– О, отец, отец! – простонала она, – отец!

Дядя подошел к ней и стал у кровати.

– Успокойся, дитя мое, – проговорил он с участием, – не нужно так огорчаться. Все к лучшему.

– Конечно, все к лучшему, – вторила ему мать с нетерпением, ощупывая свой карман. – Сколько раз заходила к нам дама-благотворительница нашего прихода и говорила и ей, и отцу её, что глупо роптать против воли Божией. Но вот посмотрите: говори, не говори, все одно, – как о стену горох, – ее не скоро проберешь.

Рыдания так же быстро прекратились, как и начались, и девочка встала на ноги.

– Так недавно было это... в воскресенье... – сказала она, глядя на противоположную стену.

Она хотела сказать, что еще в воскресенье изнуренная фигура её больного отца сидела тут, подпертая этими же самыми подушками. «Мне жаль оставлять тебя, Аня, голубчик мой», – с трудом и еле слышным шепотом сказал он ей в этот день. Казалось, что целые годы прошли с тех пор, но она все как-будто ожидала, что опять предстанет здесь перед ней лежащая фигура с знакомым болезненным лицом, которое одно только в целом мире и смотрело на нее любящими глазами.

– Вот глупенькая! ведь, это было не в воскресенье, а в понедельник, – фыркнула на нее Селина, воображая, что девочка говорила о смерти отца.

– Прощайте, маменька, – опять сказала Анна и дверь затворилась за ней и за её дядей. Слышно было, как фермер, тяжелыми шагами и неловко цепляясь за ступеньки, спустился

по темной лестнице, а Селина, между тем, достав из-под кровати темную бутылку, уселась и принялась с жадностью разглядывать свой маленький капитал.

* * *

Вдоль пограничной линии Оксфордшира тянется длинный и совершенно прямой холмистый кряж, направляющийся от севера с югу. На одном конце кряж этот, как волна прибрежного буруна, поднимается выше и затем круто обрывается, переходя в широкую долину, расстилающуюся вдаль. Как раз на этом обрыве гнездится деревня Гайкрос, напоминая своим местоположением, даже среди полного несоответствия всех остальных условий, старинный укрепленный город, украшающий своими башнями и стенами какой-нибудь скалистый утес в Италии. Чудный вид кругом придавал не меньший блеск и мирной деревушке с её скромными хижинами и стогами сена, чем поседевшим от времени стенам средневековой крепости. Неправильный ряд черепичных деревенских крыш, сбоку небольшое, поросшее травой кладбище с своею обычною нисенькою каменною оградой и своим старым, с незапамятных времен стоящим тут тиссовым деревом, отлогое поле, золотящееся под желтыми лютиками или зреющею рожью, – все эти самые обыкновенные принадлежности английской деревни, резко выступая на ярко-синем фоне туманной дали с её волнистыми и неясными очертаниями, принимали совершенно особенный вид и имели поэтический характер. История нагорной деревушки отличалась эпизодами, тоже напоминавшими бурное прошлое укрепленного города. На утесистом выступе южного склона стоит замок времен Елизаветы, превратившийся теперь в ферму, хотя и поныне высокая терраса, пруды, напоминающие крепостные рвы, тиссовые изгороди и величественные ворота у входа остались без всяких изменений. Также и на северной стороне, в том месте, где дорога круто спускается по отвесному обрыву кряжа, виднеются стены из рыхлого камня, которые когда-то служили оградой для другого старинного барского дома; один из невежественных или глупых потомков бывшего величия снес все старые здания и от них ничего почти не осталось, за исключением столбов и высокого восьмиугольного павильона, стоящего в виде сторожевой башни на северном карнизе гор. В этих укреплениях, защищающих деревню с обеих сторон, можно видеть указание на историческое прошлое этой местности, и действительно, она когда-то служила убежищем остаткам разбитой роялистской армии во времена парламентских войн. Крутым гористым склонам её, покрытым травой и рожью, а также и узкому серому каменному мосту, переброшенному через протекающую внизу речку, пришлось испытать на себе удары пушечных ядер и испить свою долю человеческой крови. В самом конце улицы, при выходе из села, немного не доходя до старого барского дома, как продолжают и теперь еще называть место разрушенного здания, находится ферма Понтина, низкая постройка с остроконечною крышей. Дом был выстроен лет двести назад одним из Понтинов и с тех пор Понтины не переставали владеть им, но и они разделяют теперь участь всех фермеров и платят ренту неизвестному им владельцу, разрушившему древнее жилище своих праотцев. Небольшой сад отделяет ферму от дороги и как раз перед фасадом дома растут три или четыре больших вяза, под тенью которых стоит каменный крест. За этою частью сада начинался спуск с горы и за полуразрушенным крестом, высоко возвышающимся над неровными ступеньками, расстилается бесконечная лесная даль, на туманной и волнистой синеве которой в солнечные дни выделяются бледно-серые башни и колокольни ближайшего города. После долгой и скучной езды по полям и проселочным дорогам среди непробудной сельской тишины, которая сильно поразила и привела в смущение маленькую уроженку Лондона, экипаж, наконец, остановился под тенью вязов, и Анна Понтин вышла из него. В честь её прибытия дядя остановился у садовой калитки, вместо того, чтобы въехать во двор фермы; оттуда вышел к ним молодой парень, не по годам физически развившийся, с тупыми и некрасивыми чертами лица, и увел лошадь с экипажем. Мистер Понтин своим обычным серьезным и стро-

гим голосом задал молодому парню несколько вопросов и можно было заметить, что он уже наперед был недоволен в ожидании медленных и невнятных ответов. Между тем, со ступенек креста, не торопясь, сошел мальчик, по-видимому, идиот, с большой головой, бессмысленно вглядываясь и мыча на новоприезжую.

– Еще не попадался мне такой глупый парень, как этот Джес, – пробормотал про себя фермер, бросая возжи своему работнику, и, показывая Анне дорогу, направился вперед по тропинке, высланной плитняком и ведущей в дому. Дверь была отперта и они вошли в дом.

– Тетушка! эй, тетушка! Где же это вы запропастились? – начал он громко звать.

– Вот тебе и на! – отвечало что-то невидимое, очевидно, более удивленным, чем довольным голосом, – да неужели вы успели уже вернуться, мистер Понтин? А я только что вымыла чайную посуду и раньше ужина ни в каком случае не думала видеть вас!

– Трудно с поездами-то наперед угадать, – как бы извиняясь, отвечал мистер Понтин. – Назад мы ехали гораздо скорее, чем туда.

Тем временем они вошли в невысокую комнату с кирпичным полом и с совершенно заросшим зеленью окном. По трем стенам комнаты тянулись полки, на которых стояли миски с молоком и сливками, тарелки с маслом и с разложенными в маленькие кучки яйцами всевозможных оттенков, начиная с прозрачной жемчужной белизны вплоть до красновато-коричневых.

Мистрис Понтин, как всегда, в пятницу вечером считала яйца и складывала их в корзину для отправки на рынок. Она была женщина невысокого роста, весьма обширных размеров, с длинными руками и круглым красным лицом. На ней было темнокрасное ситцевое платье и старая черная соломенная шляпка с темнокрасной лентой.

– Вот Анна, – сказал Джемс, положив руку на плечо девушки.

Мистрис Понтин подошла, обтирая свои толстые мокрые пальцы о передник, и пристально посмотрела на Анну.

– Мы рады тебе, моя милая, – сказала она. – Я надеюсь, что ты добром заплатишь людям, которые готовы отнестись к тебе хорошо. Здесь не жалеют, правда, труда, но за то и кормят хорошо. Мы все должны работать, чтобы жить, и могу сказать тебе наперед, что и я себя не жалею в этом отношении. Право, не знаю, что бы дядюшка делал без меня.

Затем она снова пристально взглянула на Анну. Селину она видела только раз в жизни и, по-видимому, её ожидания не сбылись относительно её дочери: она ожидала худшего в некотором отношении, но в другом, может быть, и лучшего. Анна, в её представлении, должна была непременно носить на шее медальон, шияпу с перьями, по пустякам улыбаться, иметь здоровый цвет лица и большие, круглые, черные глаза, постоянно глазающие по сторонам, – словом, мистрис Понтин наделила ее всеми внешними признаками тех склонностей, которые ей так мало были понятны и которые, она думала, сумеет обуздать. Выкупающие эти недостатки качества воображаемой Анны должны были заключаться в крепком телосложении и длинных руках, обладающих неисчерпаемой и в скрытом состоянии находящеюся способностью мыть и перетирать посуду и носить ведра. Настоящая же Анна была мала и бледна, с серьезными и робкими глазами; по внешности она была достойною дочерью того самого Джорджа, жалкий труп которого, по мнению его жены, делал так мало чести его семье.

– По всей вероятности, комната Бена уже приготовлена для неё? – спросил мистер Понтин.

– По всей вероятности, ничего подобного не могло и придти мне в голову, – резко отрезала его жена и затем, наклонившись над корзиной, она продолжала некоторое время отсчитывать яйца. Она, однако, вскоре обернулась и возобновила разговор. – Вот еще выдумали... комната Бена! Только этого недоставало. А что бы мы делали в тот день, когда Бен, может быть, вернется? Да он, к тому же, всегда так дорожил обстановкой своего помещения... Анна, иди за мной и не обращай внимания на дядюшку.

Такое бесцеремонное обращение с человеком, настолько проникнутым собственной важностью, как её дядя, поразило слегка Анну, но она молча последовала за мистрис Понтин наверх, во второй этаж, по крутым ступенькам, и очутилась в маленькой мансарде с покатыми стенами.

– Здесь тебе будет, наверное, очень хорошо после Лондона, – сказала ей тетка добродушно. – В этой комнате жила горничная в те времена, когда я держала прислугу. Уж эти мне девчонки! Я рада, что избавилась от них. Никакой нет от них пользы, только одна обуза, больше ничего, и я всегда так говорила. Лучше самой сделать все, что нужно, чем бегать за ними и доделывать, да переделывать всю их работу, уверяю тебя.

Это замечание неизменно приводилось теткой каждый раз, как заходил разговор о «девчонках»: оно входило в ограниченный круг тех замечаний, которые составляли её разговорный репертуар. Все-таки, оно подействовало удручающим образом на молодую девушку, которая должна была заменить «девчонку». Сильно покраснев, Анна робко проговорила:

– Боюсь, что не окажусь хорошею помощницей для вас, тетушка.

– Ничего, моя милая, – возразила мистрис Понтин, не унывая. – Я так привыкла к всякого рода хлопотам, что сама не знаю, что бы я делала без них. Трудиться, трудиться, с утра до вечера трудиться – вот мое правило в жизни. Недаром дядюшка Понтин говорит, что во всю свою жизнь не встречал такой женщины.

Она повесила полотенце на спинку единственного в комнате стула и тяжело побрела за куском мыла.

Постельное белье в комнате Анны было старое, но хорошее, и красная метка Д. П. красовалась в углу с тщательно придуманными украшениями. Когда Анна, утомленная пережитыми за день событиями, легла, наконец, в постель, то не могла не почувствовать всей свежести этого белья и с удовольствием вдыхала аромат, оставшийся в нем от сушеных трав. Если уж правду говорить, то вряд ли обширные ноздри мистрис Понтин обращали внимание на какие бы то ни было запахи, хорошие или дурные, но один из традиционных обычаев дома состоял в том, чтобы в известное время года собирать душистые колосья с лавендовых кустов, растущих по обеим сторонам крыльца, и обкладывать ими шкафы с постельным бельем. Простыни были пропитаны ароматом этих трав: проникая всюду, он был, в то же время, так же неуловим, как и безмолвная молитва тех, которые в давнопрошедшие времена собственными руками так заботливо шили и приготавливали это белье, которые некогда грелись и нежились в нем, а теперь лежат забытые под высокою травой заброшенного кладбища.

II

Если человек, отличающийся по природе особенною склонностью к внешнему порядку, погрешит против него хоть раз в жизни, то вы можете быть уверены, что факт этот никогда не будет им забыт. Прямо ли, косвенно ли, смотря по тому, на каком социальном или умственном уровне эти люди находятся, они будут вечно искать оправдания как для своих частных мотивов, так и для общего своего поведения перед светом, который успел даже и забыть их и давно уже ни в чем не обвиняет. Мистрис Понтин один раз в своей жизни преступила границы, налагаемые на нее известными правилами светского приличия, которые и в её круге соблюдаются не менее точно, чем в другом, более высоком. её брак с Джемсом Понтином состоялся, когда еще не исполнилось года со дня смерти её первого мужа. Анне суждено было, как и всем остальным знакомым тетки, часто и во всех подробностях слышать пересказ о тех обстоятельствах, которые повели к такому нарушению приличий; можно даже сказать, что трудно было бы передать, в чем заключалось вообще содержание разговоров мистрис Понтин, пока она не насканивала на этот центральный и основной пункт, вокруг которого и начинала вертеться.

В первое же утро своего пребывания у родных Анна была посвящена во все подробности этого случая. В то время, как она слабыми и непривычными рученками обтирала кирпичный пол кухни мокрою тряпкой, тетка ловкими, хотя и неуклюжими, пальцами чистила картофель.

– Видела ли ты когда-нибудь свою тетку Сюзанну? – спросила неожиданно мистрис Понтин.

– Нет, никогда, – отвечала Анна, – но мне рассказывала про нее. Отец говорил, что я похожа на нее лицом. Она умерла в чахотке, не правда ли?

– Да. Она была мать Бена, а я всегда очень любила Бена. Если бы не он и не мои сто фунтов, которые я уже назад получить не могла, то я не знаю, право, вышла ли бы я замуж за Понтину.

Мистрис Понтин, несмотря на строгость, вносимую ею в супружеские отношения, нельзя было назвать злою женой, но она бывала непокойна, пока не смоем с себя всякой тени подозрения в том, что второй брак её явился результатом личного расположения к мужу. Приходилось поневоле признать, что она в этом деле действовала под давлением лишь самой крайней необходимости.

– Когда была жива твоя тетка Сюзанна, то она хозяйничала в доме дяди, и уж одному Богу известно, каким образом все живущее в доме, и в том числе Бен, да и он сам, прожили те месяцы, которые следовали сейчас после её похорон. Мне кажется даже, что твой дядя, вспоминая об этом времени, до того забылся, что однажды сказал, какое счастье было для него, когда в следующую же затем Пасху скончался мой бедный Кайт, а, ведь, так говорить нельзя, – это нехорошие и недобрые чувства.

Свободное и ничем не стесняемое порицание мужа, которое себе позволяла мистрис Понтин, не поражало Анну так, как могло бы поразить нас, привыкших с большею утонченностью намекать на многочисленные недостатки наших супругов и с большею нежностью указывать на свойственную им всем сравнительно с нами низкопробность.

Несмотря на это, Анна, все-таки, смутно испытывала неприятное чувство во время этого разговора, хотя она, в то же время, и вставляла добросовестно свои односложные ответы там, где тетка, казалось, их ожидала.

– Кайт был садовником в старом замке в те времена, когда замок еще не был сдан мистеру Шеперд, и я тоже заведывала таме молочной в продолжение более двадцати лет. Таким образом, мы вроем сберегли около ста фунтов и вот надо же такое несчастье, чтобы его попутало отдать эти деньги взаймы Джемсу Понтину, да еще без всяких письменным обязательств. Бед-

няга! и мучила-жь его эта мысль, когда настало время умирать!.. А что, скажи, Анна, сильно страдал твой отец перед смертью?

– Не знаю, право, – ответила Анна, бледнея, – я спала в это время, а мать не приказала будить меня.

– Кайт страшно мучился перед смертью. Он простудился и вскоре затем умер, а, ведь, был тоже крепкий, сильный человек. Последний день он все стонал и кричал; к сумеркам как будто затих и мне послышалось что-то вроде хрипенья. – «Скончался, бедняга!» – подумала я и подошла к окну, чтобы открыть его, как вдруг он закричал: «Женни!» – да таким страшным голосом, что я вздрогнула и бросилась к нему, как полоумная. Вижу, сидит с широко раскрытыми глазами. «Женни!» – повторил он, но уже более слабым голосом, глядя на меня так пристально, что глаза его, казалось, готовы были выскочить. «Томас! – сказала я ему, придавая особую торжественность моим словам, – обыкновенно я называла его попросту Том, – смотри, если у тебя лежит что-нибудь на душе, лучше не бери с собой в могилу!» После этого он попытался притянуть мою голову поближе к своим губам и медленно проговорил хриплым шепотом: «Понтин... Понтин, тебе достанутся мои сто фунтов... достанутся мои сто фунтов... мои сто...» Вслед за этим он вдруг замолчал, вытянулся и умер с этими словами. Да, Кайт был бережливый человек, очень бережливый. – При этих словах мистрис Понтин вздохнула по муже, когда-то делившем дни её юности, и начала готовить смесь из муки и картофельной шелухи для одной из свиней, требовавшей особенных забот.

– Что же было мне делать? – продолжала тетка, рассуждая сама с собой, – у меня не было росписки, я была одинокая женщина и еще, ко всему этому, всех нас рассчитали в замке, который отдан был в аренду мистеру Шеперд. Я не хочу, конечно, сказать, что твой дядя обобрал бы меня, но он клялся и божился, что не мог в то время заплатить мне... а я-то, подумай, была совсем, совсем одинокая женщина! «Вам бы лучше выдти за меня замуж, мистрис Кайт», – сказал немного спустя Понтин и прибавил: – «зачем откладывать? все в доме портится тем временем, и Бену тоже плохо: с тех самых пор, как я похоронил его мать, я все ломаю себе голову насчет того, как мне с ним быть, – ума не приложу». Вот так и пошло, одно к одному, а тут кстати и мой муж умер с именем твоего дяди на устах, вот и повенчались мы с ним... пятого июля исполнится ровно двенадцать лет. Да и грешно сказать: хорошим мужем был мне Понтин, но... все не то, что Кайт!

Затем последовала длинная и грустная история сбившегося с пути неблагодарного Бена.

Мальчик делил чувства привязанности мистрис Понтин на ряду с поросятами, индюшатами и утятами, которых она откармливала и отправляла к оксфордским мясникам, и расставалась она с ними без малейшего сожаления, несмотря на то, что ухаживала за ними с чистой материнской заботливостью и самоотвержением, пока они были малы. И человека она любила лишь до той поры, пока он был мал и беспомощен. Со взрослыми она была замечательно нетерпелива, в то время как дети могли гонять её свиней, пугать её наседок, обставлять весь пол в кухне кучками из грязи в виде пудингов, и они не получали от неё за свои шалости никакого замечания, разве только в виде следующих возгласов: «Ах, какие души! всегда что-нибудь да придумают!» Будь Бен девочкой, то, вероятно, снисходительность, оказываемая ему теткой, исчезла бы раньше и бесповоротнее. К нему же она осталась действительно привязана, хотя и сердилась, и бранилась с ним, видя, как, по мере того, что он подрастал, в нем проявлялись дурные привычки и баловство, которое вначале она сама же в нем поощряла.

Между юношей и усыновившими его родителями не раз происходили бурные сцены, и, наконец, приблизительно за год до прибытия Анны, он бежал из дома и пропал без вести, ни единым словом не извещая о себе.

– А когда подумаешь, как прекрасно он умел писать, это даже жестоко с его стороны!

Бена не было в доме, но его история отражалась неволью на положении Анны. Джемса Понтина этот несчастный случай ожесточил и внушил ему какое-то смутное чувство недобро-

желательства ко всему молодому поколению, ко всем его привычкам, взглядам и образу жизни. Симпатиями тетки, можно было наперед сказать, Анна никогда не могла бы пользоваться уже потому, что она не была мальчиком, и потому еще, что она была физически не крепкая и не обещала быть дельною помощницей в хозяйстве в такие годы, когда уже человек, по мнению тетки, теряет всякое законное право на слабость и беспомощность. Однако тетка, может быть, отнеслась бы с большим участием к девочке, если бы не тень отсутствующего Бена. Если бы сама Анна отличалась большею смелостью и экспансивностью, если бы в ней проявлялась веселость и даже то невинное своеволие молодости, которое часто бывает у детей, живущих счастливою семейною жизнью, кто знает, может быть, она сумела бы завоевать любовь родных, пробив закрытые двери этих двух узких и «о многом пекущихся» сердец. Но, подобно многим людям со страстной, чуть ли не болезненною потребностью любви, она не умела быстро и смело выражать свои чувства и еще менее умела требовать любви к себе. Виной тому отчасти было её саксонское происхождение, отчасти же и те пятнадцать лет, которые она провела при тяжелых домашних условиях, созданных грубым деспотизмом матери. Отец её тоже мало выражал свои чувства, но это не мешало Анне сознавать всю силу его любви к ней. Она была для него не только дочерью, но, в то же время, живым напоминанием его любимой сестры и как бы ручательством для него самого, – а в этом он, видимо, нуждался, – что не вся жизнь его была проведена в городских лавках и улицах; она напоминала ему, что он действительно когда-то был здоровым деревенским мальчиком, что было время, когда он играл на отлогих полях своей деревни и сидел по вечерам у большого очага фермы в Гайкросе вместе с остальными маленькими Понтинами, также, как и он, основательно вымытыми и при случае основательно высеченными. Его любовь, быть может, даже слишком сильно повлияла на развитие в дочери некоторой чувствительности, которая не могла способствовать её будущему счастью. Впрочем, в некоторых детях самою природой уже заложена особенная сознательная потребность любви, которая другим дается лишь с годами или вовсе не дается. Таким образом, для Анны все материальные преимущества жизни в Гайкросе не заменили изведенную и уже утраченную сердечную любовь и теплоту. Со стороны тетки она чувствовала к себе такое же презрение, с каким относилась к ней мать, хотя вследствие совершенно различных причин. Дело в том, что в Лондоне Анна не могла научиться ничему, что бы могло быть полезным в деревне, и вообще она не обещала превратиться в хорошую, надежную работницу на ферме. Правда, девочка была умна и на свежем деревенском воздухе значительно окрепла, но нельзя было ожидать со стороны мистрис Понтин признания в ней какой-нибудь перемены к лучшему, даже если таковая действительно и была. Недаром же провозглашала она с самого приезда Анны, что в ней силы не больше, чем в мухе, и что она не может видеть её неловкости при работе, а тетка была не из тех людей, которые легко отказываются от раз высказанного мнения. Однако, Анна не была лишена известных способностей. Селина когда-то была кухаркой и в проявлявшихся иногда у неё порывах домовитости она всегда находила в дочери усердную ученицу. Но даже воскресный обед у Понтинов, состоящий обыкновенно из куса недожаренного мяса, недоваренного картофеля и жирного пудинга, приготовленного на сале, представлялся им такою роскошью, далее которой идти уже некуда. Анна была, кроме того, чрезвычайно искусна во всем, что относилось к шитью, и отличалась большим вкусом. Но тетка ценила в шитье только прочность и не знала, относиться ли ей с одобрением, или нет к своему черному кружевному чепцу с темно-красными лентами, который при содействии искусных пальчиков Анны принял более нарядный вид. Никем неоспариваемое и для всех очевидное отсутствие красоты, которым тетушка Понтин отличалась всю свою жизнь, служило ей постоянною поддержкой в тех строгих и неумолимых правилах, которыми она обставила вопрос о лентах и тому подобных предметах, предназначенных для украшения её особы. Вероятно, какие-нибудь причины аналогичного характера, подкрепленные, вдобавок, непрестанною домашнею хлопотливостью, усилили в ней убеждение, свойственное всем обособившимся и отставшим от жизни небога-

тым семьям, что порядочные люди не ищут общества, а довольствуются собственными своими особами. Были у неё два-три старых родственника, да две-три старые кумушки-приятельницы в деревне, но в кругу её ближайших знакомых не было ни одной семьи с молодым подростокующим поколением. Нагорные жители этой местности не отличались мягкостью нравов и не напоминали Аркадии ни своими привычками, ни своим обращением, а, напротив, с подозрением удивлением смотрели на всякого нового человека, так что Анна, в те минуты, когда успевала думать о чем бы то ни было, чувствовала отсутствие товарищей. Она вскоре начала создавать себе товарищей из тех неодушевленных предметов, находящихся в доме, которые рисовали её воображению людей уже умерших, но бывших когда-то молодыми в том же доме, где теперь она жила. На обшитых панелью стенах гостиной висели два коврика, прекрасно вышитые по канве разноцветными шелками, на одном вышит был красный геометрической правильности дом с двумя дамами такой же геометрической правильности и с надписью синими буквами: Анна Турриль, 1810. На другом была вышита моральная сентенция с тремя ветками и подписью Сюзаны Понтин 1832, красными буквами. Во всем доме попадались обрашки штопанья и вышиванья этих двух женщин, из которых одна была бабушка Анны, а другая – её тетка. Над камином в той же гостиной висели по обеим сторонам черный силуэт одной и дагерротип другой, и Анне казалось, что оба портрета были похожи на её отца, хотя в действительности они никогда и ни на кого не были похожи. спрашивать дядю и тетку бедной Сюзанне было совершенно бесполезно: такой разговор мог только привести к обсуждению сравнительных достоинств и недостатков её ухода за домашнею птицей и свиньями с уходом, принятым у тетки, и, конечно, к немалому возвеличению достоинств последней.

Джемс когда-то любил сестру, но он успел забыть про это, не переставал усиленно хвалиться своею прозорливостью в деле приобретения для себя услуг бывшей мистрис Кайт.

– Добрая часть ренты выплачивается у нас теперь из дохода с птичного двора, – говаривал он в минуты особенных влияний. – Я не знаю, право, что бы я делал, если бы лишился тебя.

– Я надеюсь, что Господь Бог сохранит меня еще на многие годы, – набожно отвечала в таких случаях мистрис Понтин. – Просто грешно подумать, да и представить себе нельзя, сколько денег ты истратил бы без меня на всякие пустяки, да на наем работниц, не умеющих различить куриного яйца от утиного. И ужь, конечно, не Анна была бы тебе помощницей, – добавляла она, если племянница присутствовала при таком разговоре.

Однажды вечером, в то время, как тетка окружала нежными заботами умирающего цыпленка и Анна с мистером Понтин остались одни в кухне, молодая девушка робко начала:

– Скажите, дядя, много лет прошло с тех пор, как умерла бабушка?

Мистер Понтин при этом вопросе опустил газету *Оксфордский Дневник*, которую он читал, и потер себе лоб.

– Почти тридцать восемь лет, – отвечал он медленно.

– Была она похожа на этот черный профиль, который висит в гостиной? – спросила Анна. Мистер Понтин не сразу ответил.

– Право, не знаю, как тебе сказать, – проговорил он. Затем, помолчав довольно долго, он продолжал: – Моя мать была не здешняя, она из деревни Мильцотер, в пяти милях отсюда.

– Была она похожа на тетю Сюзанну? – не отставала Анна.

Мистер Понтин снова задумался.

– Право, не знаю, как сказать; по крайней мере, я что-то забыл.

– Она, верно, была удивительно искусна в шитье, – заметила молодая девушка. – Как красиво одеяло, которое она вышила!

– Моя мать была предпочтенная женщина, каких редко встретишь, можно сказать, – внушительно подтвердил дядя, – и, к тому же, как мне кажется, очень милостивая женщина! – Он опять замолчал. – Я слышал, будто оксфордские джентльмены весьма ценили искусство, с которым она стряпала ватрушки.

Семейные воспоминания и чувства этим и исчерпывались в Джемсе; надеяться извлечь из него больше было бы напрасно, а Анна вскоре даже перестала почти совсем думать об умерших Понтинах. Это произошло отчасти потому, что не вело ни к чему, а отчасти потому, что она нашла живое молодое существо, немногим старше её, о котором было гораздо интереснее думать.

Июнь близился к концу; сено было почти убрано, но мистер Понтин немного запоздал с уборкой сена верхних лугов, а, между тем, стрелка барометра повернула к «перемене».

– С сенокоса еще долго не вернуться рабочие, – сказала мистрис Понтин, заметив, как удлиняющиеся тени больших ореховых деревьев легли уже на фруктовый сад. – Придется тебе, Анна, идти и загнать коров домой с поля.

Бедная Анна! Она еще так недолго жила на ферме, всего несколько месяцев, и не успела еще привыкнуть в рогатому скоту, наводившему на нее ужас. Но выразить тетке все, что у неё накопилось на душе, было бы и унижительно, и бесполезно, так что она молча надела свою шляпу и пошла через фруктовый сад. Мистер Понтин арендовал землю, на которой когда-то стоял барский дом с усадьбой, и она была отделена от земли фермы только проселочной дорогой. У входа с проселочной дороги в усадьбу некогда красовались изящные железные ворота, а теперь между оставшимися от них каменными столбами были устроены обыкновенные кривые полевые ворота; они вместе с грязным прогоном для скота, в который превратилась прежняя дорога, служили как бы грубою насмешкой над полуразрушенными, но все еще величественными каменными чудовищами, стоявшими по обеим сторонам, каждый на своем вековом месте. Оба чудовища все еще глядели сверху на далеко-разстилавшуюся перед ними страну с видом гордой, надменной власти, не сознавая, что герб, хранителями которого они так долго были, уже был снят и что под ними не было уже ровно ничего. Смешные, но, в то же время, почтенные создания! Их участь во многом напоминала участь той самой мелкой поземельной аристократии, которой они были обязаны своим существованием. Огород бывшего владельца усадьбы был на своем старом месте, в ближайшем от павильона углу. Павильон представлял собой живописное восьмиугольное здание, с высокою остроконечною крышей, покрытою сверху до низу мхом, как позолотой, с резьбой над входною дверью и с мелким переплетом в окнах. Над ним поднимался высокий красный ствол шотландской сосны, тень от которой падала крапинками на стены и крышу павильона. Управляющий лэндлорда сдавал его в наймы, но в то время занята была в нем одна только верхняя комната, и жилец её был Джес Вильямс, бывший прежде рабочим на ферме мистера Понтин и перешедший недавно к арендатору прежнего замка. Все сено мистера Шеперд было уже убрано и Джес, вернувшись домой к пяти часам, преспокойно сидел у себя, запивая свой хлеб какою-то темноватою горячею водой. Сидя у окна, он увидел Анну, идущую по полю. Коровы паслись все вместе и девушка обошла их боязливо. «Ну, Фиалка, ну, Жемчужина!» Но, несмотря на её зов, коровы, по-видимому, наслаждаясь вечернею прохладой, обострившею их аппетит, продолжали громко и сочно жевать. Выгнать трех коров и телку с поля кажется не трудным делом, но если они на все ваши самые убедительные увещания не обращают никакого внимания и вы, к тому же, маленькое и беззащитное существо и дрожите от страха перед их рогами, что тогда? Трудно придумать лучший способ, чем тот, который пришел Анне в голову, хотя он успеха не имел. Стоя позади них, она начала неистово трясти своими юбками и шикать на них: «Шш... шш!..» Она подняла такую тревогу, что самый смелый утенок был бы несомненно напуган до смерти, но коровы наделены более флегматичным темпераментом и несколько минут прошло, прежде чем они удостоили даже повернуть к ней свои головы. Телка первая повернулась к ней всем телом и с любопытством уставилась на невиданный дотоле миниатюрный вихрь, крутящийся перед ней, а за телкой медленно повернулись одна за другой и все три коровы. Медленно, шаг за шагом, стали они приближаться и надвигаться на Анну, и надо признаться, что в их громадных глазах, смотрящих на нее из-под больших рогов, и в их теплом дыхании, обдающем ее из круп-

ных розовых ноздрей, было мало успокоительного. Несколько минут она продолжала пятиться перед ними назад, пока не исчезла малая доза оставшегося в ней мужества. Наконец, девушка не выдержала и с невероятной быстротой помчалась по направлению в густой ольховой чаще на другой стороне поля. В ту минуту, как она достигла этого убежища, на противоположной стороне появилась долговязая фигура Джеса. Анна сейчас же остановилась и уже не спеша дошла до чащи с видом необыкновенно-важного раздумья.

– А, здравствуй, Джес! Я хотела достать себе ветку, – сказала она, – без этого, видно, коровы не послушаются меня.

Джес засмеялся, оскалив зубы.

– Ну, теперь, погоди, ветку я тебе срежу, – сказал он, заикаясь, по обыкновению, и принимаясь резать сочную ветвь ольхи своим складным ножом. – Нет никакого смысла бояться коров, – заметил он добродушным тоном, который смягчал внешнюю грубоватость его слов.

– Я никогда раньше не видела близко коров, – объяснила Анна, – и когда я осталась одна с ними, мне как-то стало не по себе.

– Лучше будет мне погнать их вместо тебя домой, – сказал Джес, делая из зеленой ветви длинный прут. – Ведь, они меня-то знают, голубушки.

Анна с радостью приняла предложение. Только что коровы услышали знакомый голос прежнего работника, они тотчас же повернули головы в сторону ворот и тяжело побрели домой, медленно и ровно, не оглядываясь, с полным, по-видимому, сознанием, что так и быть должно.

– Много глупостей рассказывают про коров, – заметил Джес, проходя в ворота рядом с Анной, – и, кстати будь сказано, также о быках.

– О, быков я не выношу, они такие страшные! – воскликнула девушка.

Джес посмотрел на нее, улыбаясь, с чувством некоторого превосходства.

– А вот наш старый бык, арендаторский-то... можно почти оторвать у него хвост и он не тронет, такой уж смирный он у нас... – тут прут свистнул по спине телки.

– Я не буду пробовать, однако, да, верно, и вы не захотите пробовать, – возразила она, хихикая, слегка вызывающим тоном, в котором слышалась привычка в городским манерам.

Джес хихикнул тоже и продолжал молча идти рядом с ней, придумывая ответ поостроумнее. Но так как ничего не приходило ему в голову, он опять засмеялся. Больше они ничего не сказали друг другу до самого хлева, но они, казалось, узнали друг друга ближе, пройдя вместе это короткое расстояние и в течение этих нескольких минут, чем за все те утра, когда они встречались раньше за завтраком в кухне на ферме. Между ними, впрочем, всегда была какая-то молчаливая, невысказанная симпатия. Оба они были «чужие, не свои» в Гайкросе, а это было условие немаловажное в местной жизни, притом же, когда во дворе бранили Джеса, Анна получала выговоры в курятнике или в молочной. Кроме того, когда мистер или мистрис Понтин хотели указать на испорченность современного молодого поколения, то Джес и Анна оба по очереди служили им для этого удобными образцами. Подобно многим, часто даже весьма дельным, труженикам как в умственной, так и в практической сфере, у мистрис Понтин недоставало либо терпения, либо умения учить своему делу других; дядя Джемс был тоже крайне нетерпеливым наставником, так что молодые люди часто одновременно испытывали на себе и несправедливость, и жестокость обращения.

Анна так не привыкла видеть внимание к себе, что, быть может, потому невольно и преувеличивала в душе признательность, которую она чувствовала за своевременную помощь, только что оказанную ей Джесом. Девушка стояла у дверей хлева и не находила слов, чтобы выразить свою благодарность.

– Как бы я хотела тоже что-нибудь сделать для тебя, – проговорила она, наконец, робко дотрогираясь до его рукава, когда он проходил мимо, выйдя из хлева. – У тебя такая большая дыра на рукаве, как раз на локте, а можно было бы так прекрасно ее заштопать.

– Какое тебе дело? – отвечал Джес резко, почувствовав себя неловко. – Когда у меня хватает денег, так по субботам Бетси Тод штопает мне платье.

Но Анна не угомонилась.

– Нет, уж лучше дай мне заштопать, – повторила она решительно, – старуха Бетси только и сделает, что испортит, право. Брось пустые разговоры, да повесь-ка лучше свою куртку вот сюда, а завтра утром, когда я приду в сад, то принесу ее и повешу за твоим окном.

И так как Анна не только серьезно желала, но и намеревалась так поступить, а у Джеса не было другой причины для отказа, кроме крайней конфузливости, то и кончилось тем, что он снял с себя куртку с тем угрюмым и понурым видом пойманного вора, который обыкновенно служит выражением радостного смущения, переполняющего грудь деревенского парня.

Так началась дружба между обоими молодыми людьми, и хотя она не сопровождалась никакими особенными чувствами, но вскоре заняла большое место в их жизни уже в силу той простой причины, что у них обоих не было иных друзей. В длинные летние вечера, когда Анна собирала фрукты в саду или поливала последние доцветающие растения, уже редко попадающиеся среди огородных овощей в старом господском саду, можно было быть уверенным, что Джес тоже тут где-нибудь по близости. Случалось им и вместе собирать смородину или малину по целым часам, молча, друг около друга, пока не начинала падать холодная роса и у обоих лица делались совершенно бледными от наступающих сумерек. Иногда случалось им и посидеть вместе на низкой каменной ограде сада, там, где он граничил с лугом, и в это время Анна нередко чинила какую-нибудь прореху в платье Джеса при последних красных лучах вечернего заката. Тетушка Понтин охотно принимала помощь от Джеса, когда последний предлагал свои услуги Анне во время работ её в саду, но остается под большим сомнением, посмотрела ли бы она так же благосклонно, если бы узнала, что с своей стороны Анна уделяет время на приведение в порядок его одежды, хотя труд её в данном случае являлся лишь справедливым вознаграждением за его услуги. Если бы такие свидания зависели от одного только Джеса, то, вероятно, они скоро превратились бы в те обыкновенные свидания, которые по воскресным дням происходят во всех английских деревнях: медленно проходят деревенские пары мимо вас с красными и блестящими лицами, одна за другой; иногда идут они под руку, а чаще обнявшись еще нежнее, но всегда в полном и убийственном молчании и непременно упорно глядя в разные стороны. Деревенский житель не словоохотлив в своей любви, как окружающие его деревья и растения и многое другое, разделяющее вместе с ним его бессознательность. Он таков не только в любви, но и во всех своих лучших привязанностях. Таков был и Джес, который еще не был влюблен в Анну; его привязанность к ней была скорее вызвана тем непреодолимым влечением, которое неизбежно чувствует одинокое человеческое существо к другому такому же одинокому существу, хотя в его чувстве и было нечто романтическое от сознания неравенства положения, разделяющего их. Несмотря на то, что племянница мистера Понтина работала на ферме, как служанка, в глазах местного общества она стояла, все-таки, выше бывшего воспитанника дома призрения бедных, теперешнего рабочего, и в действительности она была выше его по воспитанию и по уму.

Влияние всех условий деревенской жизни так сильно еще сказывалось наследственным путем в самой Анне, что и она тоже могла сидеть по целым часам и молчать. На ферме, по словам дяди Понтина, она была необычайно тиха; но у неё, все-таки, был легче возбуждающийся и более тонкий нервный организм, свойственный женщине, воспитанной в городе, и она иногда чувствовала сильную потребность высказаться, ей нужно было выражать и получать в определенной форме вылившееся участливое слово. Сидя в кустах смородины или на каменной ограде, она рассказала Джесу все подробности своей прежней жизни в Лондоне, о шумных его улицах, о подругах своих в пансионе, о воскресных загородных поездках с ними в Батерси или даже до Путис; рассказала она ему тоже про своих маленьких братьев и сестер, которых она так любила и которые все умерли; но больше всего рассказывала она про своего отца. Домаш-

няя жизнь, правда, по милости Селины, была, конечно, не вполне счастливой, но пока бедный отец был в состоянии работать, они жили, по крайней мере, не в нищете и в их семье бывали, все-таки, светлые дни. Во всяком случае, это была семейная жизнь. У Джеса не было даже и этого: в его воспоминаниях тянулась вереница серых годов, проведенных в приюте для нищих и брошенных детей, а еще раньше он смутно припоминал какую-то каюту на барже, в которую его запирали иногда на весь день пьяный отец-судовщик; отец не любил его и очень дурно обращался с ним. Мальчик часто чувствовал себя заброшенным и одиноким, не отдавая себе отчета в своем одиночестве. Беседы с Анной, её заботливость о нем в разных мелочах и светлая улыбка, с которой она встречала его, дала ему почувствовать, что в его жизни была какая-то пустота в то время, когда он не знал Анны. Он был некрасив и в своих грязных полосатых плисовых панталонах, идя за плугом, имел крайне грубую и непривлекательную наружность; еще хуже казался он по воскресным и праздничным дням, красный, с пылающим лицом и красною шеей, торчащею над отложным воротником и лоснящеюся курткой. Но, в то же время, в нем была такая сердечная и сильная привязчивость и такая потребность любви, что он, благодаря этому, и тоньше понимал, и тоньше чувствовал многих других, и был, во всяком случае, для Анны неизмеримо более безопасным товарищем, чем большинство юношей, составляющих в Гайкросе выгодные партии, так как нельзя, к несчастью, сказать, чтобы флегматичность, отличающая деревенского юношу, спасала его от раннего знакомства с пороками.

В течение всего лета они встречались почти ежедневно, но когда наступила зима, встречи их сделались реже. В надежде увидеться с Анной, Джес отправлялся по вечерам либо к деревенской лавочке, либо бродил по дороге в соседнюю деревню Горслэй, где была станция железной дороги и аптека и куда Анна иногда ездила по поручениям. Он сделался также усердным посетителем церкви, так что в те дни, когда Анна по утрам в церковь не приходила, Джес бывал непременно и на вечерней службе. Нельзя сказать, чтобы мистрис Понтин была из числа богомольных и ревностных посетительниц храма Божия: «для такого рода дел», как она сама говорила, у неё было слишком мало свободного времени, но говорила она это, вовсе не желая легкомысленно относиться ни к религии, ни к каким бы то ни было принятым обычаям или обрядам. Из её же собственных уст знали рассказ об одном памятном случае в её жизни, который произошел десятью годами раньше описываемого нами времени: однажды, как раз в то время, когда она была на утреннем богослужении, случилось какое-то несчастье с одною из её свиней и с целою семьей поросят. По поводу этой катастрофы она формально и раз навсегда выяснила себе вопрос о противоречии, существующем между обязанностями своими относительно Бога и живых Его тварей. Оказывалось, что Господь Бог тотчас же признал всю трудность её положения, – по крайней мере, она всегда утверждала это с невозмутимою уверенностью, для которой, вероятно, имела какие-нибудь основания, что Богу вполне известно, как нуждаются бедные бессловесные твари в её уходе, что никому другому нельзя их доверить, а что она с своей стороны не может быть в двух местах одновременно, что она в этом отношении такой же человек, как и всякий другой. Как бы там ни было, а результатом таких соображений явилось полное освобождение её от обязанности ходить в церковь, разве только в такое время и в такие дни, когда ей покажется возможным идти, как, например, после того, как все индейки будут отправлены на рынок, а куры не начнут еще высиживать цыплят. Что же касается дядюшки Понтин, то тетушка приняла на себя обязательство посылать его в церковь вместо себя самым аккуратным образом. Мистер Гейз, старый и сонливый приходский священник, никогда не вмешивался в их распоряжения на этот счет, хотя однажды его супруга, мистрис Гейз, имевшая весьма ясные и определенные понятия насчет своих обязанностей, пыталась усюветить этих независимых прихожан. Но, несмотря на всю ясность, простоту и удобопонятность речи, которыми жена священника отличалась и так справедливо гордилась, она не могла убедить мистрис Понтин. Во время разговора с мистрис Гейз она была крайне сдержанна и почтительна, но твердость её могла довести до исступления и обе женщины расстались в силь-

нейшем негодование друг на друга. Летом, в рабочую пору, тетушка не всегда пускала Анну в церковь, но зимой почти каждое воскресенье можно было видеть молодую девушку сидящую в церкви рядом с дядей. Церковь была славная старая постройка с стрельчатым норманским сводом над алтарем, дальше виднелся надгробный памятник семьи Якобитов, на котором покоилась лежащая фигура богатой лэди в головном уборе, с кольцами на сложенных вместе руках, пальцы которых еще в некоторых местах сохранили розовую краску. На ферме религия сводилась к выполнению обряда и была делом, требуемым приличием; раньше же, в Лондоне, Анне приходилось слышать только насмешки над религией, так что последняя не входила в число тех вещей, которые имели бы для Анны жизненную действительность. Сначала дядюшка Понтин был немного сконфужен, когда увидел, что Анне трудно было следить за богослужением по молитвеннику, и он в особенности терялся, когда приходилось указывать ей страницы в виду всех прихожан; но когда она стала сама находить все, что ей было нужно в молитвеннике, то ему показалось, что её религиозное образование благополучно и надлежащим образом закончилась. Пискливый тон фисгармонии мистрис Гейз, однообразное пение воспитанников деревенской школы и надоедливые повторения старых проповедей мистера Гэйза не могли возбудить интереса слушателей, и внимание Анны было несравненно более привлечено каменной сложной отделкой кружев, лент и глазета костюма якобитской лэди или соображениями насчет большей или меньшей вероятности её встречи с Джесом при выходе из церкви, чем словами, долетавшими до неё или ею же повторяемыми.

Анна, со времени приезда на ферму, выросла и поздоровела, хотя все еще была тоненькою и хрупкою на вид; её голубые глаза и теперь были так же велики и не потеряли прежнего детского выражения; на щеках её появился легкий румянец. Было бы ошибочно думать, что некультурные слои не умеют ценить по-своему нежности черт и тонкой красоты лица: на «племянницу Понтину», как ее называли в деревне, молодежь Гайкроса смотрела благосклонно, в особенности по воскресеньям, когда все юноши, сверкая праздничными нарядами, высыпали на улицу деревни или около могил у церковных ворот. Конечно, Анна не знала и не подозревала, что на нее обращено внимание, но Джес с трудом скрывал свою гордость, когда при нем говорили, что «девочка недурна», хотя и из Лондона, и высказывали предположение о том, что она, дескать, верно, будет «важничать». Понтины всегда немного сторонились от соседей, как и подобало их щепетильности; кроме того, мистрис Понтин не любили в деревне, так что никто из молодых людей, за исключением Джеса, никогда не предлагал сопровождать их из церкви до дома. Так как Джес служил раньше на ферме несколько лет сряду, то всем казалось совершенно естественным, что он провожал их домой.

Благодаря всем этим трудностям, которые приходилось преодолевать, чтобы видеться с Анной, и которые прерывались долгими и одинокими размышлениями, а также с помощью часто повторяемых, хотя и довольно ограниченных похвал других молодых людей, к концу зимы привязанность Джеса к молодой девушке начала уже проявлять ясные признаки некоторой сентиментальности. Кроме того, ему уже был девятнадцатый год, а в его среде, где начинают жить рано, такой возраст не считается детским.

Лето опять вернулось, и опять Джес и Анна сидели вместе на садовой ограде в том самом месте, где розовый куст, нагнувшись, распался волнообразною массой над бузиной и покрывал ее белыми, розовыми и золотыми переливами. Джес был как-то молчаливее в последнее время и, с глупо-застенчивым видом, пытался иногда робко и неуклюже высказать какую-нибудь сентиментальность, но при первых же звуках своего собственного голоса краснел еще больше Анны, которая лишь смутно угадывала его намерение.

Однажды после обеда, когда розы уже почти отцвели, вскарабкавшись на калитку, она хотела достать оставшиеся еще на изгороди несколько бутонов; в это время Джес, проезжая с пустою телегой, остановился и сорвал их для неё; тогда она приколола их себе к вороту платья маленькою стальной брошкой.

– Они почти такого же цвета, как твое лицо, Анна, – сказал он, скорчивши жалкую, конфузливую улыбку, скорее похожую на гримасу.

Анна не нашлась ответить ему и направилась к веревкам на которых сушилось белье. Она сняла две простыни и собиралась уложить их в корзину, но заметила, что Джес все еще стоит у калитки.

– Анна! – вдруг торопливо позвал он ее, – послушай, Анна!

– Что тебе надо, Джес?

– Пойди сюда, я хочу тебе сказать что-то.

Она подошла в калитке.

– Ты не забудешь, что дал тебе эти розы я, не правда ли? – сказал он. – Не бросай их сейчас, пожалуйста, Анна, – и, кивнув ей головой, он влез на передок телеги, щелкнул языком и покатил дальше, не дожидаясь ответа.

– Извольте-ка сию минуту снять с себя эти прикрасы, Анна, – сказала ей мистрис Понтин, встретив ее у порога дома с корзиной белья. – Терпеть не могу все эти брошки, цветы, всю эту чепуху. Право, хоть брала бы ты пример с меня: я работаю, не покладая рук, так, что и не знаю, что бы твой дядюшка стал делать без меня, а уж меня-то на таких пустяках, как одеться да принарядиться, не поймашь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.